

С.М. Крыкин

Терракотовые «фракийские всадники» на Боспоре

В древнем античном государстве Боспор сюжеты всадников были известны не только в каменной пластике, но и в керамическом производстве. Эти сюжеты связаны со вкусами и пожеланиями варварского компонента в составе населения Боспора — фракийцев, скифов и сарматов. Именно всадники с Боспора оказались иконографическими примерами для создания всадника на скале у с. Мадара в Болгарии.

Ключевые слова: Боспор; терракота; всадники; Мадара; образы.

Символ болгарской государственности Мадарский всадник был высечен на скале в раннесредневековую эпоху близ первой столицы балканских болгар Плиски вследствие слияния сразу нескольких древних этнокультурных традиций. Иранские Сасаниды практиковали изготовление конных царских фигур (и, надо полагать, и статуй) — об этом свидетельствуют памятники иранской торевтики раннесредневекового времени. Конные статуи царей сооружались в позднеантичную эпоху и на Боспоре — в начале I в. н.э. сармат Аспург создал там новую династию, продолжив дело угасшей полуфракийской династии Спартокидов. При этом не вызывает сомнений, что основатель балканской Болгарии сын Кубрата Аспарух носил несколько измененным то же царское имя иранской этимологии. Болгары вынужденно покинули (оставшиеся же подчинились созданному своими бывшими соседями савирами, такими же, как и они, «гуннами», Хазарскому каганату) Великую Булгарию с базовой территорией на Тамани (бывший «азиатский Боспор») и столицу на месте античной Фанагории. Античные боспориты героизировали своих усопших в облике всадников — многие десятки их каменных надгробий свидетельствуют о проникновении на северо-восток черноморского побережья архаической орфической традиции из Малой Азии, на которую наслоились и малоизвестные культовые представления сарматов, которые еще с III в. до н.э. осваивали степи всего Северного Причерноморья. Немногочисленные примитивные каменные рельефы «скифо-сарматского круга» воспроизводят и фигуры всадников, что означает наличие своего собственного понимания таких религиозных образов у варварских соседей, живших на побережье потомков греческих колонистов, в большинстве по происхождению с западного побережья Малой Азии (изредка из Эгейской Фракии — северного побережья Эгеиды). Болгары на территории бывшего Боспорского царства (на деле же усилиями белгородского исследователя Н.Н. Болгова история позднеантичного Боспора продлена еще минимум на два столетия после прихода на его земли гуннов, из числа которых выделились и (прото)болгарские племена) видели та-

кие изображения. Орда под началом Аспаруха проникла на восток Балканского полуострова, и там они увидели опять же рельефы всадников — загадочный фракийский Херос с позднеэллинистической эпохи воспринимался в облике галопирующего или статичного всадника в плаще (причем как в балканской Фракии, так и в малоазийской Вифинии). Святилища Фракийского всадника помимо фракийских земель во II–IV веках распространились по территориям размещения римских войск, укомплектованных многочисленными солдатами родом из римского Нижнего Подунавья, с Дунайского лимеса — два святилища даже выявлены возле Рима, где располагались лагеря преторианской гвардии. Реформы Адриана и его преемников привели к варваризации римских легионов (вслед за вспомогательными войсками *auxilia*), а при Септимию Севере даже преторианцев стали набирать вне Италии, и по иронии судьбы сборно-тренировочным центром их подготовки стал Нове — лагерь последнего элитного легиона, набранного при Нероне в Италии и названного потому Первым Италийским. И опять же на месте бывшего размещения как южных фракийцев, так и северных фракийцев-гетов. Спустя века, в XI веке, популярный христианский святой всадник (магистр конницы в армии Диоклетиана) Георгий иконографически уподобился Фракийскому всаднику, ритуально пригвозждая к земле змея, что потребовало необходимости объяснить сложившуюся культовую атрибутику. Болгары увидели вотивные таблички Фракийского всадника на Балканах — время их прихода совпадает с завершением процесса этнокультурной ассимиляции автохтонного фракийского населения. Результатом такого синтеза этнокультурных струй является даже ежегодное празднование 6 мая Дня св. Георгия в центре и на востоке Балкан с элементами древней культовой практики, внешне мало совместимыми с традициями классического христианства.

Но, что интересно, фракийцы проникли с Балкан на земли античного Боспорского царства не позднее середины V в. до н.э.: в 439 г. до н.э. оформилась у власти на Боспоре династия Спартокидов (хотя ее сарматские «продолжатели» при Аспурге гораздо чаще использовали фракийские «царские имена»), фракийские наемники тысячами служили Спартокидам (например, 2 тыс. фракийских пехотинцев-пельгастов в начале IV в. до н.э.), явно заключались династические браки правителей Боспора и фракийских царей Одрисского царства (позднее вспоминается пример с царевной Гипепирис, но в болгарской научной литературе предполагаются еще несколько имен), Митридат Евпатор по всему Северному Причерноморью использовал союзные (или наемные) отряды фракийцев (в Тире и Ольвии обнаружены надгробия их вождей-военачальников), римляне завезли на гарнизонную службу в полисы Северного Причерноморья целые вспомогательные части, набранные из фракийцев, или же римские легионные вексилляции имели в своем составе легионариев нижнедунайского (соответственно пусть даже частично, но фракийского) происхождения. И эти фракийцы несли с собой культовый образ всадника, что не могло не отразиться на некоторых особенностях культуры в первую очередь варваризированного Боспора.

Боспорское население со времени оформления у них государственности (не позднее 480 г. до н.э. оформившейся под властью эллинской династии Археанактидов) было смешанным: на востоке Крыма соседями греческих колонистов стали скифы, на Тамани — синды и меоты. Два столетия боспорские правители являлись царями (басилеями) только для варварского компонента населения, для эллинов же — верховными полисными магистратами-архонтами. Начало сарматизации в III в. до н.э. обозначило скоро и признание всеми единой монархической власти теперь уже без полисных условностей для потомков малоазийских колонистов. В конце II в. до н.э. фракизированная династия Спартокидов пала после восстания недовольных подданных («восстание Савмака») и вторжения с юга, из Понта под властью знаменитого врага Рима — Митридата VI Евпатора, экспедиционной армии Диофанта. Все Северное Причерноморье оказалось оккупировано силами Митридата: помимо Боспора и Херсонеса, о которых нарративных сведений и археологических материалов предостаточно, в Ольвии были идентифицированы захоронения фракийских, например, союзников (или наемников?) Митридата (см.: [13: с. 56–57]), а в Тире — кельтского (галатского?) знатного воина [5: с. 79–81, рис. 27; 6: с. 46–52]. В результате восстания в Херсонесе и на Боспоре в 63 г. до н.э., инспирированного жуткой сейсмокатастрофой с эпицентром близ нын. Анапы, Митридат Евпатор погиб. Сменивший его сын Фарнак после длительного позорного замирения с римлянами в 48 г. до н.э. высадился на малоазийском побережье в Вифинии, но после первых успехов был громогласно повержен Цезарем в битве при Зеле. Вернувшись на Боспор, он был встречен очередным восстанием под руководством Асандра — сын Митридата, потомок одновременно Александра Македонского и Дария III Кодомана, пал в одном из сражений этой междоусобной войны. За руку его дочери Динамии боролись несколько претендентов на боспорский престол, сменяя друг друга, используя союз с Римом, но в первой декаде I в. н. э. загадочный сармат Аспург победил всех (и пергамского царя Митридата) и как бы возобновил давно пресекающуюся династию Спартокидов. С царями одрисско-сапейской династии из Фракии он, вероятно, возобновил династические связи, женившись на принцессе Гипепирис. Сыновья Митридат VIII и Котис сошлись в борьбе за престол — римляне при этом в ходе войны десантными силами помогли царевичу фракийского происхождения. Римский протекторат над Боспором продолжался вплоть до вторжения в середине III в. на Боспор готов и объединения всего античного Северного Причерноморья ок. 275 года в Готскую державу Германариха (ареал черняховской археологической культуры (см.: [15]). В 376 году сконсолидировавшиеся в низовьях Волги гуннские племена двинулись на запад и вытеснили почти всех готов за Дунай, в пределы римского Нижнего Подунавья. Часть готов сумела задержаться в горном Крыму, другие в качестве федератов обосновались на Тамани. Аланоготско-византийское княжество Мангуп-Феодоро в горном Крыму просуществовало до 1476 года, а близ пос. Дюрсо у Новороссийска местный археолог А.В. Дмитриев исследовал некрополь аланоготов V–VIII веков, там признаки их культуры угасают только ко времени

прихода монголо-татар. Понятно, что на территориях Боспора многие века наблюдался сложнейший этнокультурный синтез. В Пантикапее-Боспоре в склепах по давней традиции хоронили до нач. VII века — гунны отнюдь не уничтожили там позднеантичную государственность в последней четверти IV века [2: с. 10–11].

Как и государственные образования в раннесредневековом Закавказье (Армения и Лазика, тогда как Албания и область абасгов-абхазов составляли как бы их периферию), раннесредневековый Боспор испытывал мощное влияние Сасанидского Ирана, а ранневизантийские императоры, опираясь на свою давнюю прочную базу Херсон(ес), периодически напоминали о своих амбициях, используя утверждавшееся в Северном Причерноморье христианство. Конная статуя царя — традиционное явление в иранском мире. Из Албании (территория нын. Азербайджана) происходит ряд памятников сасанидской торевтики — взять, например, хранящуюся в Нахичевани бронзовую курительницу VI–VII веков [10: с. 78–85, 120, рис. 1; 138, табл. XVII], не говоря уже о воспроизводимых и здесь сюжетах культовой царской охоты [10: с. 136, табл. XIV]. Ареал распространения этой символики оказался огромным. Сасанидская культовая конная царская охота представлена на серебряном с позолотой блюде из степей под Оренбургом [11: с. 25, рис. 12] или на подобном же блюде VI в., но хранящемся в Уфе [11: с. 27, рис. 14], или же на изделии из Аврюзтамакского клада VII в. [11: с. 31, рис. 18]. Конные статуи царей были нормой еще для позднеантичного Боспора. В самом Риме конный памятник Марку Аврелию (единственный сохранившийся) явно был культовым символом родом с Востока, из иранской Парфии.

Конь и всадник — сравнительно позднее сочетание в истории человечества [8], не ранее начала II тыс. до н.э., именно оно привело к возникновению кочевого образа жизни (не следует смешивать с «подвижным скотоводством»). Конные колесницы предшествовали всадничеству как бытовое и культовое явления. У греков героизация усопших в облике всадника проявилась пластически ранее всего в Малой Азии еще в позднеархаическую эпоху [13: с. 190 и сл.], затем это отмечается во всем ареале их расселения античной поры: так, обратившись к собраниям античной скульптуры в государственных музеях Берлина, видим это: например, в конце V в. до н.э. в кампанских Кумах («Великая Греция» на юге Италии) [22: S. 100, № 118, Abb. 200; 23: S. 61, № 805, Taf. 33 b;] или же в раннеэллинистическую эпоху в Танагре (Беотия), опять же малоазийских Смирне, Эфесе [23: S. 61, №№ 806, 809, 810, Taf. 51]. В полисном античном обществе всадники нередко выделялись как особая социальная прослойка, фактически престижное сословие. На надгробиях всадников, реальных и «нареченных», могло фигурировать изображение коня (иногда голова коня как бы в окне). Сам всадник мог быть представлен в боевой обстановке. Всадник в окружении родственников, тем более с воспроизводством культовой атрибутики, воспринимался уже как *Heros* (героизированный покойник), абстрагированно от земного статуса. В упомянутых

собраниях в государственных музеях Берлина в разряде классических греческих скульптур представлены изображения всадников разной степени мифологизации и символизма: повергающий врага всадник из Халандри в Аттике [22: S. 28, № 19, Abb. 26]; два всадника на стеле из Фив — то ли божественные Диоскуры, иначе же два гиппарха [22: S. 66, № 75, Abb. 112]; посвященный рельеф Алексимаха из Танагры, где всадник явно олицетворял героизированного юного покойника [22: S. 67, № 77, Abb. 113]; на посвященном рельефе с погребальной трапезой наверху, в рамке, почти геральдически представлена конская голова [22: 70, № 81, Abb. 114] из Фив; аналогичное изображение из Беотии, но в верхнем углу, с подобным же сюжетом стелы [22: S. 68–69, № 79, Abb. 115]; на афинском посвященном рельефе «херос» ведет коня к алтарю [Bl.: S. 77, 90, Abb. 123]; на афинском же рельефе один из двух «херосов» канонически ведет коня [22: S. 80, № 93, Abb. 127]. Перед героизированным покойным иногда при этом замечаются культовые атрибуты: змея, алтарь — они и «древо жизни» вошли с рубежа III–II вв. до н.э. в культовую схему колоритнейшего фракийского божества — Фракийского всадника Хероса, пластическая иконография тоже была заимствована из Малой Азии. Иначе же Фракийский всадник воспроизводит сцены псовой охоты на кабана — у иранских царей традиционна охота на льва («царская охота») или копытных. В римскую эпоху — для Северного Причерноморья это середина I – середина III века в античных городах вместе с гарнизонами (вексилляциями нижнедунайских легионов и вспомогательных когорт) часто попадают votивные таблички с изображениями Фракийского всадника: например, в Тире [18: рис. 13] или Ольвии [16: рис. 9].

Однако культовый образ Фракийского всадника сформировался намного раньше римской эпохи на востоке Балкан и во фракийской торевтике проявился намного раньше, нежели в каменной пластике. Во фракийском искусстве конный герой активно фигурирует еще с V–IV вв. до н.э. [21: с. 34 и сл].

В одном учебном пособии для Ярославского педуниверситета читаются интересные предположения: «Заманчиво было бы увязать с культом Геракла изображения конного божества Хероса, получившего широкое распространение во Фракии, а позже — в IV–III вв. до н.э. — в Херсонесском государстве и на Боспоре. В этом герое многие исследователи склонны усматривать конного Геракла, синкретизированного, возможно, с местными героями или богами» [1: с. 51]. Одним из якобы «многих» лет 30 назад являлся автор этой статьи [12: с. 30–45], на примерах находок в слоях III–I вв. до н.э. нескольких терракот из раскопок Фанагории развивший идею существования на Боспоре конной ипостаси Геракла. Другое истолкование образа конного божества на Боспоре — Бог Высочайший (Theos Hupsistos) — обоснованно отвергается П.Д. Диатропцовым [4].

Всадник или всадники — один из традиционных сюжетов на позднеантичных боспорских надгробиях. В одной из последних публикаций о боспорских надгробиях, рассматривая многоярусные стелы Боспора I–II вв.,

Е.А.Савостина [17: с. 360] выделила сюжеты всадника и женщины, сидящей в кресле [17: №№ 8, 36, 39], двух всадников в геральдической композиции [17: №№ 18, 19, 37, 38], «летающего (болгарские археологи предпочитают термин “галопирующего”) всадника» [17: №№ 2, 24, 42] и единожды замечает всадника на вздыбленном коне перед деревом [17: № 23]. Именно последняя упомянутая стела воспроизводит всадника с копьём перед деревом и собакой под лошадью — по сюжету это очень близко Фракийскому всаднику, напоминая вотивные таблички, завезенные в Северное Причерноморье фракизированными римлянами. Сотрудница Керченского музея Т.А. Матковская [14] выделяет несколько мастерских, где изготавливались боспорские надгробия в конце I в. до н.э. – II в. н.э. На манер галопирующего Фракийского всадника убедительно был воспроизведен Периген, сын Асклепиада [14: с. 393–394, табл. II, 6], но мастерская, изготовившая это надгробие, процветала в первой половине I в. н.э., тогда как римские Фракийские всадники распространились во II–IV веках. Мастерская, популярная в I в. до н.э. – I в. н.э., среди прочей продукции воспроизвела канонический типаж вздыбленного Фракийского всадника на надгробии Садала, сына Садала [14: с. 396, табл. III, 3 и 398]. Явный фракиец, судя по имени и патронимику, был погребен не позднее первой пол. I в. н.э. [9: с. 224, № 317]. Еще один Садал, сын Садала, был погребен тоже в Пантикапее под стелой с изображением всадника [9: с. 454, № 804]. Что любопытно, открыты были и надгробия жен того и другого Садала [9: с. 288–290, №№ 451, 454], однако известно и надгробие дочери Садала [9: с. 212–213, № 295]. Таким образом, пришельцы с Балкан подолгу жили на Боспоре, женились, постепенно ассимилировались, формируя «политевму» — военную профессионально-этническую прослойку.

Фракийцы оказались достаточно заметны на Боспоре и оставили свой скромный след в культуре этого достаточно удаленного от их родины античного государства. Так, иконографическое подобие Фракийского всадника фиксируется на надгробии работы мастерской I – первой половине II в. н.э. [14: с. 401, табл. IV, 6 и 402]. Запросы пришельцев с востока Балкан (менее вероятно из Вифинии на северо-западе Малой Азии), таким образом, оказались учтены, что свидетельствует об их достаточно массовом присутствии на Боспоре. Смешанные браки способствовали их ассимиляции, но наблюдались проявления этнокультурной самобытности при изготовлении надгробий с учетом их культовых воззрений.

Важным элементом культовой практики античного населения были терракотовые фигурки или рельефы — дешевые приношения на домашние алтари, в храмы или святилища, изредка часть погребального инвентаря. На Боспоре особую категорию статуэток всадников выделила еще М.М. Кобылина. Ее заключения о появлении этого типа в боспорской коропластике свелись к следующему: сам тип появился в позднеэллинистическое время во II в. до н.э., в I–II веках трафаретно воспроизводился, а позднее, во II–III веках грубо схематизировался до примитивного натурализма [7: с. 167–169]. Вслед

за В.Д. Блаватским М.М. Кобылина усматривает даже у самого раннего керамического всадника из обнаруженной в 1947 году мастерской в Фанагории признак сарматской посадки [7: с. 119–121], но уже предполагая воспроизводство бога-охотника на украшенном фаларами галопирующем коне — в образе местного жителя. В Пантикапее и Фанагории во II–I вв. до н.э. изготавливали практически идентичные фигурки охотника с воздетым копьем [7: с. 137–138, табл. XXVIII, 5]. Должен заметить, что весьма сохранный всадник с фанагорийского Керамика [7: с. 120, табл. XXII, 2] максимально напоминает типаж охотящегося Фракийского всадника. Вынужден также высказать удивление по поводу определения его посадки, поскольку воздетая для удара десница всадника отнюдь не предполагает тарана пикой двумя руками по навыку сарматов, для чего полагалось сидеть почти боком. В первые два века нашей эры статуэтки становятся грубее, всадники одеты на местный лад, под ногами коня конкретизируется собака в эпизоде охоты на зайца [7: табл. XXXV, 1, 2, 4]. Еще немного позднее распространяются грубые фигурки воина-варвара со щитом [7: табл. XXXVII, 4]. Использование терракот всадников на Боспоре М.М. Кобылина объясняла нарастающей сарматизацией. Составители Свода археологических источников по терракотовым статуэткам из Пантикапея рассмотрели четыре сохранных статуэтки галопирующего всадника с воздетой рукой [19: с. 34–35, табл. 46, 1–4], произведенные между II в. до н.э. и II в.н.э. И опять же один образец [19: табл. 46, 3], к тому же и вероятно фанагорийского производства, рубежа нашей эры, как и указанный М.М. Кобылиной [7: табл. XXII, 2], максимально напоминает канонического Фракийского всадника. Составители этого же Свода, но по территории «азиатского» Боспора, воспроизводят три сравнительно сохранных фигурки [20: с. 27, табл. 29, 1–3], все из Фанагории I в. до н.э. – I в.н.э. Первый из них и есть подобие Фракийского всадника от М.М. Кобылиной [7: табл. XXII, 2], второй же представляет собой немногим более позднее ему соответствие. Третий воспроизводит статичного конного скифа. В монографии В.И. Денисовой о коропластике Боспора [3: с. 92–93] высказывается предположение, будто образы Геракла и всадника во второй половине II в. до н.э. стали популярны среди низовой части населения Боспора, всадник при этом был связан с древними верованиями догреческого, аборигенного населения. Среди греков культ Геракла традиционно распространялся из дорических полисов, где он являлся не только хтоническим героем, но и божеством. Среди имперских римлян Геркулес был популярен в среде низов плебса (в традиции киников?) и одновременно признавался покровителем правивших из Рима Антонинов, но в среде полисных греков культ Геракла был интересен прежде всего аристократии. Спартокиды почитали его своим династическим родоначальником аналогично македонским Теменидам. Что касается образа всадника, то в эллинской мифологии вероятным конным персонажем мог явиться разве что Посейдон Гиппий [13: с. 222–226], в исторические времена сохранявший популярность на Истме, в Коринфе. Греки сами помимо Боспора нигде такого количества изображений всадников не оставили.

В.И. Денисова [3: с. 93–94, табл. XXII к; табл. XXII е, з] обратила внимание на находки фрагментированных фигурок статичного всадника в Мирмекии и в хоре Пантикапея (конец II – первой половины I в. до н.э.). Существенно ее замечание, что подобные всадники, пусть и примитивные с точки зрения художественных достоинств, попадались и в некрополе Пантикапея.

Теперь же, когда мы знаем, что фракийский этнический субстрат на Боспоре был весьма заметен на протяжении веков (см.: [13]) — Спартокиды организовано принимали на службу не менее 2 тыс. фракийских наемников (вероятнее всего пехотинцев-пельтастов по воинской специализации) в конце IV в. до н.э. (Diod. XX, 22–25) — культурные следы массового присутствия фракийцев могли проявиться не только в эпиграфике (имена и патронимики). Пластический образ Фракийского всадника явно оказался «ко двору» значительной части боспорского населения, прежде всего скифского и сарматского происхождения. Фракийцы могли десятилетиями жить в особых военных поселениях-катоикях, заказывая изображения характерного кумира на своих надгробиях и в коропластике для личной культовой практики. Так, на уникальном Артезианском городище в Восточном Крыму (раскопки Н.И. Винокурова) наличие фракийского этнокультурного компонента давно предполагалось, а теперь убедительно доказывается. Терракотовые всадники с Боспора являются еще одним убедительным доказательством «фракийского следа» в тамошней глубоко синкретической античной культуре.

Раннесредневековые болгары созерцали изображения всадников на территории бывшего античного Боспора, а затем очень похожие сюжеты увидели во множестве в бывшей римской Фракии. Пример династии Сасанидов был увлекателен — и на скале у нынешнего села Мадара близ древней Плиски появился всадник-охотник как геральдический символ новых политических правопреемников былых прославленных монархий. Позднее вотивные таблички Фракийского всадника часто попадали в болгарские христианские храмы (как каменные иконки, каковыми в древности и являлись) и стали основой иконографии св. Георгия. А День св. Георгия («Гергёвден») празднуется на Балканах с глубокой древности, теперь же стал и праздником национальной армии Болгарии.

Литература

1. *Агрофонов П.Г.* Мифология античного мира. Культ Геракла в Северном Причерноморье. Ярославль: ЯГПУ, 1998. 68 с.
2. *Болгов Н.Н.* Боспор в IV–V вв. и проблема позднеантичных государственных образований: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 16 с.
3. *Денисова В.И.* Коропластика Боспора (по материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). Л.: Наука, 1981. 171 с.
4. *Диатроптов П.Д.* О мнимом изображении Бога Высочайшего из Танаиса // Политика и идеология в древнем мире: межвуз. сб. науч. тр. М.: Альфа, 1993. С. 40–55.
5. *Карышковский П.О., Клейман И.Б.* Древний город Тира. Киев: Наукова думка, 1985. 159 с.

6. *Клейман И.Б.* Изображение воина на фрагменте рельефа из Тире // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1987. С. 46–52.
7. *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.: АН СССР, 1961. 182 с.
8. *Ковалевская В.Б.* Конь и всадник. М.: Наука, 1977. 152 с.
9. Корпус боспорских надписей. М.–Л.: 1965. 951 с.
10. *Кошкарлы К.О.* Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Баку: Элм, 1985. 139 с.
11. *Круглов Е.А., Обыденнов М.Ф.* Урал и антично-византийская цивилизация. Уфа: БЭК, 1998. 34 с.
12. *Крыкин С.М.* К вопросу о существовании культа конного героя на Боспоре // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях: межвуз. сб. науч. тр. М.: МГПИ, 1986. С. 30–45.
13. *Крыкин С.М.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М.: Прометей, 1993. 332 с.
14. *Матковская Т.А.* Мастерские надгробного рельефа европейского Боспора I в. до н.э. – II в.н.э. // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. Вып. X. М.: ГМИИ. им. А.С. Пушкина, 1992. С. 387–407.
15. *Пиоро И.С.* Крымская Готия. Киев: Лыбидь, 1990. 197 с.
16. *Русяева А.С.* О культурной жизни Ольвии послегетского времени // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев: Наукова думка, 1986. С. 3–25.
17. *Савостина Е.А.* Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. Вып. X. М.: ГМИИ. им. А.С. Пушкина, 1992. С. 357–386.
18. *Сон Н.А.* Тира римского времени. Киев: Наукова думка, 1993. 156 с.
19. Терракотовые статуэтки. Ч. III: Пантикапей // САИ Археология СССР. М.: Наука, 1974. 59 с. и табл.
20. Терракотовые статуэтки. Ч. IV: Придонье и Таманский полуостров // САИ Археология СССР. М.: Наука, 1974. 57 с. и табл.
21. *Маразов Ив.* Съкровището от Якимово. София: Български художник, 1979. 95 с.
22. *Blümel C.* Die klassisch griechischen Skulpturen der staatlichen Museen zu Berlin. Berlin: Akademie – Verlag, 1966. 111 S. und Abb.
23. Kurze Beschreibung der antiken Skulpturen im alten Museum. Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter, 1920. 132 S. mit 80 Taf.

References

1. *Agrofonov P.G.* Mifologiya antichnogo mira. Kul't Gerakla v Severnom Prichernomor'e. Yaroslavl': YaGPU, 1998. 68 s.
2. *Bolgov N.N.* Bospor v IV–V vv. i problema pozdneantichny'x gosudarstvenny'x obrazovaniy: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1994. 16 s.
3. *Denisova V.I.* Koroplastika Bospora (po materialam Tiritaki, Mirmekiya, Purata i sel'skoj usad'by'). L.: Nauka, 1981. 171 s.
4. *Diatroptov P.D.* O mnimom izobrazhenii Boga Vysochajshogo iz Tanaisa // Politika i ideologiya v drevnem mire: mezhvuz. sb. nauch. tr. M.: Al'fa, 1993. S. 40–55.

5. *Kary'shkovskij P.O., Klejman I.B.* Drevnij gorod Tira. Kiev: Naukova dumka, 1985. 159 s.
6. *Klejman I.B.* Izobrazhenie voina na fragmente rel'efa iz Tiry' // *Novy'e issledovaniya po arxeologii Severnogo Prichernomor'ya*. Kiev: Naukova dumka, 1987. S. 46–52.
7. *Koby'lina M.M.* Terrakotovy'e statue'tki Pantikapeya i Fanagorii. M.: AN SSSR, 1961. 182 s.
8. *Kovalevskaya V.B.* Kon' i vsadnik. M.: Nauka, 1977. 152 s.
9. Korpus bosporskix nadpisej. M.–L.: 1965. 951 s.
10. *Koshkarly' K.O.* Antichnaya i rannesrednevekovaya torevtika iz Azerbajdzhana. Baku: E'im, 1985. 139 s.
11. *Kruglov E.A., Oby'dennov M.F.* Ural i antichno-vizantijskaya civilizaciya. Ufa: BE'K, 1998. 34 s.
12. *Kry'kin S.M.* K voprosu o sushhestvovanii kul'ta konnogo geroya na Bospore // *Problemy' ideologii i kul'tury' v ranneklassovy'x formacijax: mezhvuz. sb. nauch. tr.* M.: MGPI, 1986. S. 30–45.
13. *Kry'kin S.M.* Frakijczy' v antichnom Severnom Prichernomor'e. M.: Prometej, 1993. 332 s.
14. *Matkovskaya T.A.* Masterskie nadgrobnogo rel'efa evropejskogo Bospora I v. do n.e'. – II v. n.e'. // *Arxeologiya i iskusstvo Bospora. Soobshheniya GMII im. A.S. Pushkina. Vy'p. X.* M.: GMII. im. A.S. Pushkina, 1992. S. 387–407.
15. *Pioro I.S.* Kry'mskaya Gotiya. Kiev: Lybid', 1990. 197 s.
16. *Rusyaeva A.S.* O kul'turnoj zhizni Ol'vii poslegetsogo vremeni // *Antichnaya kul'tura Severnogo Prichernomor'ya v pervy'e veka nashej e'ry'*. Kiev: Naukova dumka, 1986. S. 3–25.
17. *Savostina E.A.* Mnogoyarusny'e stely' Bospora: semantika i struktura // *Arxeologiya i iskusstvo Bospora. Soobshheniya GMII im. A.S. Pushkina. Vy'p. X.* M.: GMII. im. A.S. Pushkina, 1992. S. 357–386.
18. *Son N.A.* Tira rimskogo vremeni. Kiev: Naukova dumka, 1993. 156 s.
19. Terrakotovy'e statue'tki. Ch. III: Pantikapej // *SAI Arxeologiya SSSR.* M.: Nauka, 1974. 59 s. i tabl.
20. Terrakotovy'e statue'tki. Ch. IV: Pridon'e i Tamanskij poluostrov // *SAI Arxeologiya SSSR.* M.: Nauka, 1974. 57 s. i tabl.
21. *Marazov Iv.* S'krovishheto ot Yakimovo. Sofiya: B'lgarski xudozhnik, 1979. 95 s.
22. *Blümel C.* Die klassisch griechischen Skulpturen der staatlichen Museen zu Berlin. Berlin: Akademie – Verlag, 1966. 111 S. und Abb.
23. Kurze Beschreibung der antiken Skulpturen im alten Museum. Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter, 1920. 132 S. mit 80 Taf.

S.M. Krykin

Terracotta “Thracian Horsemen” in Bospor

Horsemen images in ancient antique state Bospor were known not only in stone plastic art but also in ceramic production. These images are bound up with tastes and wishes of a barbarian component in the composition of Bospor population: the Thracians, the Scythians, the Sarmatians. Just horsemen from Bospor proved to be iconographical examples for creating a horseman on a rock nearby village Madara in Bulgaria.

Keywords: Bospor; terracotta; horsemen; Madara; images.